

М.В. МАЛЮТИН

Электоральные предпочтения россиян: "парадокс стабильности"

Российский электорат

В мае 1997 года коллективом авторов Фонда "Экспертный институт" был завершен и опубликован подготовленный по заказу Европейского Союза Tacis доклад "Политические ориентации населения регионов России". Первая версия данного текста (как второй том комплексного исследования регионов России) была представлена заказчику ровно за год до этого, но тогда была им засекречена как эксклюзивный материал: на финише президентской избирательной кампании служба Tacis не хотела быть обвиненной во вмешательстве во внутренние дела России. Но нет худа без добра: то, что было прогнозом-96 (а до этого - прогнозом-95), стало к 1997 году убедительно доказанной дополнительным материалом концепцией, к тому же уточненной по итогам состоявшихся с того времени губернаторских выборов в большинстве субъектов РФ.

Научный подход к любой проблеме начинается там, где анализируется серия повторяющихся событий, а затем на базе некоторого теоретического подхода не только объясняются предыдущие результаты, но и предсказываются новые однотипные явления. На наш взгляд, материалов предыдущих общенациональных голосований вполне достаточно для построения соответствующей теории электорального поведения населения страны - как относительно автономной реальности. С основными результатами проведенного исследования нам и хотелось бы познакомить читателя.

Доклад широко обсуждался с апреля 1997 года в самых разнообразных научных аудиториях. Расходясь в идеологических и методологических основаниях своих исследований, а также в деталях конкретных интерпретаций событий, большинство участников дискуссий все же согласилось как с объективным существованием проанализированных нами закономерностей, так и с предложенной моделью понимания сути многих из них.

Сегодня общепризнано, что попытки ускоренного "насаждения сверху" институтов представительной демократии через создание "двухпартийной модели" и "лояльного центра", неоднократно предпринимавшиеся с конца 1993 года (после насильственной ликвидации советской политической системы нынешним режимом), пока не дали ожидаемых результатов. Около трети (в пиках недовольства - до 40%) политически активного населения страны по-прежнему не считает себя "интегрированными в систему" и в той или иной степени не признает ее легитимности. Однако на фоне нарастания общей нестабильности и крайней неустойчивости любых институтов в современном российском обществе электорат как на общенациональном уровне, так и в большинстве регионов продемонстрировал высокую степень устойчивости своих ориентации в 1991-1996 годах (сменились ориентации большинства населения с 1993 года менее чем в 1/5 субъектов РФ).

Итоги выборов в Государственную Думу по партийным спискам нашему коллективу исследователей удалось предсказать в 1993-м и 1995 годах с точностью до нескольких процентов (как до этого - референдума 25 апреля 1993 года). Специфика нынешней российской "электоральной реальности" в том, что до настоящего времени (с точки зрения влияния на текущий ход и перспективы экономического развития страны) итоги выборов в представи-

М а л ю т и н Михаил Валентинович - кандидат философских наук, руководитель политологических программ Фонда "Экспертный институт".

тельные органы власти почти не оказывали воздействия ни на исполнительную власть, ни на отношения собственности, ни тем более на повседневную жизнь людей в плане ее улучшения. В силу традиционной для России гипертрофии роли главы государства в проводимой политике неизбежно привело бы к открытому пересмотру базовых принципов и основных законов не только политической, но и экономической системы. Переизбрание же его фактически стабилизировало устойчиво воспроизводящуюся с конца 1993 года ситуацию вялотекущего нарастания "кризиса безвластия". Никакого значительного влияния на повседневную жизнь людей это событие не оказало - вопреки возникшим ожиданиям значительной части общества в результате массивной пропагандистской кампании.

Прямые губернаторские выборы в 1995-1997 годах состоялись в большинстве регионов России «первые за всю историю, в результате чего даже элементарная сопоставимость результатов данных голосований с ранее проходившими вырастает в сложную познавательную проблему. Хотя, если судить по недавним итогам борьбы в Нижнем Новгороде, все повторяется просто с удивительной точностью: в 1996 году Б. Ельцин в июне выиграл в первом туре у Г. Зюганова около 3% (аналогично Скляров у Ходырева - 4%), а итоги состоявшегося в июле второго тура совпали с точностью до 1% - при сократившейся примерно на треть явке.

Главный итог нашего исследования состоит в следующем: широко распространенные мнения о нестабильности и непредсказуемости поведения российского электората оказываются мифом, когда налицо ситуация выбора по принципу "или-или". Да и применительно к многовариантному выбору по партийным спискам общая численность сторонников крупных политических блоков, образовавшихся вокруг главных претендентов на пост президента РФ, как показал анализ многих групп исследователей, осталась практически неизменной по сравнению с голосованием на выборах в Государственную Думу 17 декабря 1995 года.

Новизна результатов нашего анализа (регулярно проводившегося при прогнозировании всех общефедеральных голосований с апреля 1993 года) заключается в утверждении, что стабильность электоратов, без труда зафиксированная многими в 1995-1996 годах, - *существовала и в предыдущие бурные годы*. Абсолютные величины поддержки того или иного направления и персонифицирующего его лидера (Б. Ельцина и В. Жириновского с 1991 года, Г. Зюганова и Г. Явлинского с 1993 года), незначительно зависящие от колебаний явки как на федеральном, так и на местном уровнях в большинстве регионов, - самая надежная основа для предсказания итогов любого будущего голосования и интерпретации его итогов - вне зависимости от типа голосования, уровня фальсификации и т.п.

Электоральное поле страны остается весьма автономной сферой реальности, и, раз сложившись в "большом политическом взрыве" 1989-1993 годов, в дальнейшем "живет" и изменяется в соответствии со своими собственными закономерностями, реагируя на внешние воздействия лишь в незначительной степени. Эта своеобразная "самодостаточность" электорального "поля" России имеет, по нашему мнению, преимущественно социально-психологическую природу и тесно связана как с самой новизной существования данного феномена в стране, так и с крайне незначительным влиянием итогов общефедеральных голосований на повседневную жизнь людей. "Неожиданные" (как для части массового сознания, так в особенности для программирующих его столичных СМИ) результаты голосования в основном появляются при таком достаточно искусственном для властных отношений современной России механизме, как выборы по партийным спискам.

Последние регулярно демонстрируют как "убедительную победу" той или иной идейно-политической группировки, оппозиционной столичной власти, так и крайнюю слабость влияния большинства московских политиков на население регионов. Разумеется, данная избирательная процедура не создавала сама по себе конкретных электоратов, но способствовала процессу кристаллизации некоторых из них, прежде всего центристского и либерального (уже в 1993 году), а в 1995 году в электоральной форме проявил себя и такой специфический для современной России феномен, как "партия власти".

В результате выборов в реально безвластную Думу в 1993-м и 1995 годах (в которых Ельцин непосредственно не принимал участия), у большинства граждан, практически втянутых в политические процессы, и многих исследователей сложилось впечатление, что тот электорат (40 млн голосов с небольшим), который привел его к власти в 1991 году и поддержал вновь в 1993 году, безвозвратно распался на враждующие фрагменты. Однако когда в России встает вопрос - голосовать "за" или "против" власти, на общефедеральном

уровне *всегда* убедительно побеждает реально существующая власть. Ельцину во многом потому и удалось без большого труда стать победителем на первых президентских выборах 1991 года, что он был уже в глазах не определившихся миллионов частично институционализированной "полувластью". Зюганов же не смог аналогичным образом использовать ресурс неустойчивого большинства в Думе (как Ельцин в 1990-1991 годах - большинство в Верховном Совете).

Так или иначе, закономерности общеструктурного характера в политическом поведении населения России пока преобладают над поведением, связанным с осознанием и защитой определенного коллективного интереса. Социально-психологические реакции по принципу "мы-они", закрепленные определенным типом рационализирующей их идеологии, оказались в обществе переходного типа не только более устойчивыми, чем иные типы детерминации, но и стабильно воспроизводящимися. "Твердое ядро" того или иного направления (у коммуно-традиционалистского, национал-протестного и либерального электоратов - довольно "идеологизированное") сохраняется от выборов к выборам довольно устойчиво.

При дихотомическом голосовании позиции на уровне "да-нет" определены наиболее четко, по этой формуле проводились референдумы и второй тур президентских выборов. Если считать, что сам факт проведения референдума является следствием сложившихся острых политических конфликтов в стране, которые правящая элита не в состоянии разрешить (как, например, конституционный кризис сентября-октября 1993 года), то уже постановкой вопросов референдума (так или иначе затрагивающих легитимность действующей власти), на которые приходится отвечать либо "да", либо "нет", население делится на две поляризованные группы. Одна лояльна к действующей власти, другая, наоборот, максимально оппозиционна к ней. Выделение "властного" и оппозиционного электората наблюдается и на втором туре президентских выборов. Как показал опыт президентских выборов 1996 года, реальные шансы на успех в современной России имеют всего лишь два лидера: действующая власть, символизирующаяся Ельциным, и "старая" - в лице главы КПРФ Зюганова. Проявление электората власти и оппозиции при дихотомическом типе голосования наиболее устойчиво, что объясняется прежде всего большей рационализацией подобного выбора по принципу "мы-они", в отличие от многовариантного.

Эту закономерность в чистом виде маскировала специфическая "переходная" ситуация 1991-1993 годов, когда избирателям на референдумах приходилось отвечать одновременно на несколько взаимоисключающих вопросов, что приводило к непримиримым политическим конфликтам. Но, с точки зрения политического анализа, данная ситуация давала бесценный материал для понимания разорванно-противоречивого реального состояния массового сознания населения страны. При многовариантном голосовании распределение электората более плюралистично по политическим предпочтениям и включает в себя, кроме приверженцев либерализма, коммунизма и национализма, еще и особый электорат "партии власти", а также своеобразный "центр"; взаимоотношение этих электоратов при переходе к дихотомическому голосованию носит не скалярный, а векторный характер - как при их "суммировании", так и "взаимоотталиковании". К многовариантному типу голосования мы отнесли парламентские выборы 12 декабря 1993 года и 17 декабря 1995 года. Для этого типа голосования характерна неустойчивость проявления властного электората при стабильности левотрадиционалистского, что, в первую очередь, сказывается на явке избирателей. Опыт прошедших думских выборов показал, что электоральная активность населения значительно ниже на парламентских выборах, нежели на президентских и референдумах; на местных выборах она обычно ниже еще на 10-15%.

Несмотря на пятилетний опыт выборных процессов, в России так и не решен вопрос о преемственности и устойчивости власти - сколько бы ни убеждали в обратном вожди нынешнего режима в Москве и их пропагандистский аппарат. Одержанная Ельциным в 1996 году победа вовсе не усилила столичную власть и отнюдь не деморализовала традиционную оппозицию, получившую наивысшую за все прошедшие годы поддержку избирателей. Более половины местных региональных властных группировок оказались неспособными на губернаторских выборах удержать власть в руках назначенных Ельциным глав администраций (даже при максимальной поддержке их из центра). Нарастающая в 1995-1996 годах биполярность электорального выбора россиян происходит на фоне все более усиливающейся социальной напряженности: регулярные невыплаты заработной платы, социальных пособий и т.д.

"Цена победы" Ельцина оказалась такова, что население все чаще отдает предпочтение представителям старой властной элиты, или так называемой коммуно-патриотической оппозиции в ее российском варианте. Поскольку официальную пропаганду о "преодолении

кризиса" и "начале роста" трудно воспринимать всерьез, подобный нарастающий разрыв самообмана и реальности (сопоставимый по масштабам даже не с поздним брежневизмом, а с временами Черненко) должен рано или поздно привести к очередному столкновению административных и финансово-экономических группировок, неизбежно провоцирующему политический (конституционный) кризис.

Предварительные итоги "избирательной пятилетки" 1991-1996 годов в России

Совпадения многих результатов на общенациональном уровне за прошедшие годы бросаются в глаза при элементарном сравнении - особенно это касается голосования той части избирателей, которые устойчиво враждебно настроены по отношению к Ельцину и нынешней власти в стране. Против введения президентского поста проголосовало около 22 млн человек, столько же несколько месяцев спустя (12 июня 1991 года) суммарно поддержали трех связанных с КПРФ кандидатов (Н. Рыжкова, А. Тулеева и А. Макашова); около 27 млн человек 25 апреля 1993 года проголосовали за "недоверие" Ельцину, более 21 млн были тогда же против досрочных перевыборов Советов, 24 млн - против "ельцинской" Конституции на референдуме 12 декабря 1993 года, более 22 млн - суммарно за четыре связанных с коммунистами списка на выборах в Думу 17 декабря 1995 года, более 24 млн - за кандидатуру Зюганова в первом туре президентских выборов 1996 года.

Диапазон колебаний численности поддерживающих Ельцина за эти пять лет более широк: от 45 млн 12 июня 1991 года до 26 млн 16 июня 1996 года. Однако и в случае голосований в поддержку нынешней власти и персонифицирующего ее лидера было одно удивительное совпадение: 40 млн голосов за "доверие" Ельцину 25 апреля 1993 года и столько же голосов во втором туре президентских выборов 3 июля 1996 года. Явка избирателей все эти годы колебалась в самых широких пределах, поэтому любые количественно сходные результаты требуют анализа и объяснения.

За три с небольшим года, прошедших между референдумом 25 апреля 1993 года и президентскими выборами 1996 года, электоральные предпочтения населения России практически остались стабильными и географически: Ельцина поддерживало и продолжает поддерживать большинство избирателей севернее Москвы, где село отсутствует как значимый демографический фактор, а преобладающее городское население живет за счет привозного (при новой власти - в основном из-за границ России) продовольствия. На сторону Зюганова с того времени перешло большинство избирателей только в двух регионах страны: на казачьем юге европейской России (в Астраханской, Ростовской и Волгоградской областях) и на юге Сибири, в аграрных по составу населения Новосибирской и Омской областях, а также в Кузбассе. К тому же там доминирование коммунистов не является абсолютным: во втором туре президентских выборов 3 июля 1996 года Ельцин обошел Зюганова в Ростовской области и минимально уступил ему в Астраханской, в конце 1996 года в обеих областях переизбрали назначенных Ельциным еще в 1991 году старых губернаторов; аналогичным образом избрался 17 декабря 1995 года губернатором Омской области Л. Полежаев. С минимальным перевесом (и только по второму туру) кандидаты КПРФ стали губернаторами Новосибирской и Волгоградской областей. Так или иначе со времен убедительной победы Ельцина над конкурентами на первых президентских выборах 12 июня 1991 года его позиции во всех южных регионах РФ значительно ослабли.

Остальные колебания электоральной поддержки Ельцина с 1993 года характерны преимущественно для республик Северного Кавказа, а также нескольких незначительных по численности населения автономных областей и округов; в Хакасии и Еврейской АО во втором туре выборов 1996 года в отличие от первого Ельцин выиграл у Зюганова. В Новгородской области проигрыш Ельцина 1993 года был, скорее всего, вызван какими-то специфическими для того момента причинами (или случаяем), так как все предыдущие и все последующие голосования с того времени в этом регионе регулярно выигрывала "партия власти": 17 декабря 1995 года выбран губернатором М. Пруссак, назначенный Ельциным в 1991 году главой администрации, депутатом нынешней Думы стал кандидат от блока Черномырдина "Наш дом - Россия" и т.п.

Для возглавляемой КПРФ оппозиции Ельцину региональное распределение голосов является еще более стабильным, чем для нынешней "партии власти"; перевеса голосов левотрадиционалисты регулярно добивались в Центрально-Черноземном регионе южнее Москвы и группе республик (Марий Эл, Мордовия, Чувашия) в центральной части европейской

России, вдоль западной "новой границы" (Псков - Смоленск), на юге Сибири и в нескольких малонаселенных областях Забайкалья. Несколько выросла с 1993 года "сфера влияния" коммунистов с союзниками на казачьем юге европейской России в междуречье Дона, Волги и Терека (образовав компактную группу регионов "без разрывов"). Аналогичные процессы расширения зоны доминирующего влияния КПРФ произошли также на юге Сибири, где в 1991-1993 годах ее позиции как партии были крайне слабы (да и сегодня там население, скорее, голосует против Ельцина-Чубайса, чем за "красных").

Есть несколько регионов, где "партия власти" и левотрадиционалистская оппозиция борются с того времени с переменным успехом: это Калужская, Костромская и Тверская области, республики Северного Кавказа, Башкирия, Татария и Хакасия, Еврейская АО. В трех первых областях Ельцину 25 апреля 1993 года доверяло большинство населения, но три остальных вопроса референдума он проиграл, зато выиграл голосование на референдуме по Конституции 12 декабря 1993 года. В свою очередь, КПРФ стала первой в этих областях по партийному списку 17 декабря 1995 года (и получила в них тогда вместе с союзниками из Аграрной партии пять мест из шести в Думе по одномандатным округам). Зюганов выиграл первый тур президентских выборов, а Ельцин - второй, но в конце 1996 года при поддержке возглавляемого КПРФ Народно-патриотического союза в Калужской и Костромской областях сменились старые губернаторы.

Аналогичная "стабильная нестабильность", когда в зависимости от специфики конкретного голосования регулярно побеждает на общенациональных голосованиях то "партия власти", то левотрадиционалистская оппозиция, три последних года характерна для (населенных преимущественно русскими) Хакасии в Восточной Сибири и Еврейской АО в Забайкалье. Что касается республик Северного Кавказа, Башкирии и Татарстана, то общепризнанно, что в этих частях Российской Федерации от голосования к голосованию меняется политическая позиция не столько большинства населения (преимущественно нерусского), сколько местного руководства, самыми разными методами обеспечивающего "нужный" ему результат по итогам конкретного общенационального голосования.

Структура политико-идеологического электорального пространства России

Особенность политико-идеологического "структурного разбиения" электорального пространства России заключается в том, что верховная власть ранее никогда не выбиралась всеобщим прямым голосованием, а до 1996 года прямым голосованием не избиралась и местная власть в регионах. До самого последнего времени среди большинства населения и так называемых элит (столичных, местных) господствовало представление, что никто из носителей верховной власти с ней все равно не расстанется, даже если его переизберут.

Другая характерная черта отношения населения России к власти - неприязнь большинства к существующей государственности и персонализирующим ее личностям сочетается с довольно массовым, но ныне пассивным "запросом" на праведную, справедливую и истинную власть. Но именно этот настрой, выразившийся во взрыве политической активности интеллигенции столиц и городов-миллионников в 1988-1991 годах, на предыдущей фазе своего развития фактически и разрушил старый режим. Хотя в 1993-1996 годах в стране проходили все новые всеобщие голосования, даже политически активная часть населения все более убеждалась в невозможности воздействовать на реальную политику властей электоральным путем. То есть и новые многопартийные выборы оказались своего рода ритуалом, хотя иным по форме и способам легитимации результатов, нежели при старом режиме.

Ситуация в массовом сознании еще более запутывалась, поскольку развал старой государственности и попытки создать нечто новое и демократическое из ее обломков происходили на фоне своего рода "большого идеологического взрыва": 60 лет принудительного единомыслия сменились острейшей борьбой загнанных ранее в подполье и эмиграцию направлений. В постсоциалистическом обществе России до настоящего времени фактически не оказалось социальных групп, осознавших свои интересы и готовых к их организованной защите через принятие соответствующих законов и электоральную процедуру. В результате возникла парадоксальная ситуация, когда единственным надежным ресурсом либерал-реформаторов (помимо во многом мифической поддержки "мирового сообщества") оказались остатки старой коммунистической государственности - столичные СМИ и силовые структуры.

Выборов глав местных властей, многопартийных выборов и перевыборов верховной власти новое руководство России долгие годы старалось всячески избегать, ибо небезосновательно сомневалось в итогах голосования. Дело прежде всего в том, что во всех представительных органах власти (кроме столиц) начиная с 1990 года декларирующие свои либеральные принципы деятели новой власти оказывались раз за разом в явном меньшинстве, что неизбежно порождало у них психологию "осажденной крепости", синдром "борьбы за необратимость реформ" и т.п. С осени 1991 года по отношению к Съезду народных депутатов (и Верховному Совету) центральной властью и доминирующими в массовом сознании страны столичными средствами массовой информации усиленно насаждается стереотип, согласно которому парламент - исключительно законодательная власть.

Элементарный демократический принцип, согласно которому любое собрание депутатов - это, прежде всего, *власть, представляющая народ*, не просто усиленно замалчивался с 1991 года, но подвергался активной дискредитации. В массовом сознании страны насаждалось убеждение, что среди депутатов преобладают авантюристы и психически неполноценные честолюбцы, не выражающие ничьих интересов, помимо своекорыстных, которые они удовлетворяют полукриминальным путем. В итоге в качестве магистрального пути преобразования страны новой властью в конце 1991 года был избран классический для России всех времен (с Ивана Грозного, Никона и Петра) путь ускоренно-принудительной "революции сверху", реализуемой агрессивно-активным меньшинством.

Структура идеологического поля, как и структура электорального пространства, определялась все эти годы прежде всего таким показателем, как поляризация населения России относительно властной политической вертикали. Распределение интересов, размежевание позиций и т.д. происходило "за" или "против" Ельцина и реформ. Правда, при определенном стечении обстоятельств (обострение социально-экономического кризиса в большинстве регионов и фактическое неучастие президента в парламентских выборах 1993-го и 1995 годов) выбор "за" или "против" трансформируется из-за пересечения плоскостей идеологических предпочтений и политических интересов. "Центризм по-русски" и особенно голосование за "партию власти", взятую в чистом виде, позитивно-идеологически мотивированы в минимальной степени: центризм ото всех идеологий (по крайней мере в их нынешнем реальном облике "политических персонификаций" Зюгановым-Анпиловым, Гайдаром-Явлинским, Жириновским-Руцким) максимально отталкивается, для сторонников нынешней власти как "меньшего зла" декларируемая ей идеология безразлична.

С одной стороны, стремясь расширить свою социальную базу и дать ответ на непримиримую критику проводимой политики, "партия власти" с 1994 года сама стремилась приглушить либеральную компоненту в своей идеологии (и особенно "западничество"), претендуя на выработку собственной национально-государственной идеологии и одновременно рассуждая о социальной ответственности власти перед неимущими, "цене реформ" и т.п. (Ельцин, впрочем, всегда утверждал, что является президентом всех россиян, а не только "демократических").

С другой стороны, традиционалистски настроенная оппозиция (осознав, что реставрация старого порядка невозможна, а во многом и нецелесообразна с точки зрения корпоративных интересов ее руководства) в той или иной степени смирилась с "рынком", президентским постом и институтами представительной демократии, хотя и не в том виде, как они реально сложились в нынешней России. Однако привлечь на свою сторону новые значительные слои населения КПРФ за последние годы не удается, по данным практически всех исследователей (в том числе и коммунистической ориентации), за нее по-прежнему голосуют в основном сторонники "улучшенного вчера", не имеющие своего образа будущего и не способные к активной и организованной борьбе в настоящем.

Таким образом, за минувшие годы у основных политических организаций произошла определенная рационализация идеологий, в большей степени прагматичным стал и курс верховной власти. Но поскольку социально-экономическое положение страны в целом (и большей части ее населения) ухудшается, продолжает нарастать массовое недовольство. По данным разных исследований, не только отвергавшая Ельцина и его политику с 1991 года пятая часть избирателей, но уже около трети населения считают, что "терпеть больше нельзя". Адаптировавшимися к новой жизни считают себя не больше 10%, еще треть считают нынешний порядок "меньшим злом", чем новые резкие перемены. Кроме того, 30 млн человек с 1991 года стабильно не принимают в России участия в любых выборах.

На референдуме 17 марта 1991 года впервые произошло выделение ядра электората Ельцина (тогда проявившегося в оппозиции сохранению СССР как такового) и ядра электората, оппозиционного "новому порядку", голосовавшего против введения поста Президента

РСФСР: различались они "по размерности" незначительно, составив более 20 млн голосов каждый. Дальнейшая эволюция в разделении электората на властный и оппозиционный (демократический и коммунистический) шла в зависимости от того, к кому примыкали промежуточные слои: параметры обоих "твердых ядер" с 1991 года до настоящего времени не претерпели существенных изменений. Колебания же части избирателей между старой и новой властью проявились на референдуме 25 апреля 1993 года, когда большинство избирателей одновременно и доверяло Ельцину (1-й вопрос), и хотело его досрочных перевыборов (3-й вопрос). После политических потрясений конца 1991 года (запрет КПСС и ликвидация СССР) левотрадиционалистская оппозиция впервые отчетливо оформилась к весне 1993 года: с восстановлением КПрФ на российском политическом небосклоне она не только окончательно легализовалась, но и обрела своего нынешнего лидера-персонафикацию - Зюганова.

Подобный лидер при дихотомическом голосовании по принципу "да-нет" в достаточной степени символичен, голосование происходит независимо от степени доверия к нему персонально (как показывают социологические опросы, этот уровень был и остается и у Ельцина, и у Зюганова невысоким даже среди "своих"), а осуществляется по схеме "электорат-власть" - в отличие от многовариантного голосования "за партсписок", которое в России в максимальной степени идеологизировано и "протестно". Голосуя за лидера, электорат голосует за выбор Конституции, типа государственности, социального строя - или, наоборот, "против всего". *Этот выбор строится по социально-психологическому принципу "мы-они"*, хотя в определенной степени он рационализирован.

В 1996 году убедительного для избирателя "образа будущего" ни собственному "твердому ядру", ни колеблющимся миллионом не предложили ни власть, ни оппозиция: лояльные к власти СМИ резко обличали ужасы старого режима и пугали "реваншем", оппозиционные более вяло разоблачали язвы настоящего. На самом же деле выборы показали, что, с одной стороны, никакого значимого прироста оппозиционного электората за 5 лет не произошло (ибо никакой активно наступательной борьбы за промежуточные слои левотрадиционалисты никогда не вели), он просто самовоспроизвелся и впервые был суммирован "одной персоной". В то же время "партии власти", благодаря использованию самых современных пропагандистских технологий, удалось регенерировать электорат Ельцина до уровня поддержки 1993 года.

Относительно властной вертикали перераспределение электоральных групп исторически сложилось следующим образом: оппозиция - сплоченный (монолитный) электорат, не изменяющий себе с союзного референдума 1991 года вплоть до второго тура президентских выборов 1996 года. Его увеличение на парламентских выборах 1995 года во многом было мнимым, ибо произошло в ситуации не столько усиления поддержки (в лучшем случае она регенерировалась до прежнего уровня после шока 12 декабря 1993-го и частичного ухода "протестного голосования" к Жириновскому), сколько резкого спада влияния и раздробления голосов "партии власти". Только национал-протестный электорат в значимом количестве иногда голосовал против Ельцина и за коммунистов (за сохранение СССР на референдуме 1991 года и на втором туре президентских выборов 1996 года).

Властный электорат распылен при голосовании за партсписки между "партией власти" в чистом виде ("Наш дом - Россия" В. Черномырдина) и либералами, а также лояльными властью центром и умеренными антикоммунистическими патриотами. Избиратель "партии власти" проявляет себя в различных конфигурациях как на президентских, так и на парламентских выборах, демонстрируя в той или иной степени как свою лояльность, так и недовольство.

Индикатором недовольства властью при одновременном нежелании голосовать за коммунистов в 1993 году стали более 12 млн голосов Жириновского, а в 1996 году - 11 млн голосов А. Лебедея: если доверять данным последних опросов 1996 года, поддержка отставного генерала к концу года возросла в 1,5-2 раза за счет бывшего электората Ельцина. Следует отметить, что несмотря на нестабильность проявления "властного электората" на парламентских выборах 1993-го и 1995-го годов ко второму туру президентских выборов 1996 года он восстанавливает свои показатели на уровне голосования на конституционном референдуме 12 декабря 1993 года.

Реальные шансы на поддержку большинства населения в общенациональном масштабе имеют (на протяжении всего анализируемого периода) только представители действующей и старой властных структур, остальные идеологии "обустройства России" и персонализирующие их лидеры пока не воспринимаются населением как серьезная альтернатива в

смысле претензий на власть. Исключения (Жириновский-93 и Лебедь-96) единичны и не настолько велики по общенациональной поддержке электората, степень которой по отношению к этим популистским фигурам к тому же резко колеблется от голосования к голосованию и не может изменить сформулированную выше общую тенденцию.

Особенности структуры политико-идеологического пространства страны при многовариантном голосовании

Особенность любых многовариантных выборов (в первую очередь, голосований по партсписку в Думу в декабре 1993-го и 1995 годов) - устойчиво воспроизводящееся внутри "электорального поля" перераспределение на пять основных типов голосования, происходящее, главным образом, за счет разбивания властного электората, мобилизация которого в полной мере осуществлялась на референдумах и втором туре президентских выборов.

Как нечто самостоятельное по отношению к выбору между старой и новой властью проявил себя на президентских выборах 12 июня 1991 года национал-протестный электорат Жириновского. Данное название представляется нам наиболее точно отображающим то "наложение" идеологического (агрессивно-бессильный "русский" национализм) и политического (резкое осуждение и старых порядков, и нового режима) выбора, на базе пересечения и воспроизводства которого сложился и проявил себя данный электорат.

Электорат центра впервые обнаружил свои скромные в современной России потенции в голосовании за занявшего последнее место на президентских выборах 1991 года В. Бакатина и более отчетливо - в колебаниях 8-10 млн избирателей при ответах на четыре разных вопроса референдума 25 апреля 1993 года. В голосованиях на двух выборах в Думу центристский электорат (в количестве 10-15 млн избирателей), с одной стороны, убедительно продемонстрировал свое существование в России, с другой - был расколот между всеми тремя идеологическими "полюсами" и партий власти. Примерно столько же избирателей проголосовали за центристов - претендентов на пост Президента РФ в первом туре президентских выборов.

Либеральный электорат как специфический тип электората впервые обособился от "властного" на парламентских выборах 12 декабря 1993 года - в версии изначально оппозиционного по отношению к режиму списка Явлинский-Болдырев-Лукин. В "чистом виде" это направление проявило себя на думских выборах 17 декабря 1995 года, когда его внутренний раскол на десять с лишним списков достиг некоторого логического предела, что привело к неудаче направления в целом. Однако даже в момент резкого спада влияния как на государственную власть, так и на общественное сознание весь спектр либеральных организаций поддержало свыше 12 млн избирателей.

Помимо оппозиционного крыла либерализма (персонифицированного Явлинским) и крайне незначительной части оппозиционных центристов (С. Говорухин и С. Федоров), данные электораты в своем большинстве уже и первом туре президентских выборов 1996 года и окончательно во втором примкнули к Ельцину, продемонстрировав тем самым, что в отличие от ядра непримиримых, национал-протестных патриотов они являются "внутрисистемной оппозицией" для нынешней власти.

Либералы выросли в России в конце 80-х-начале 90-х годов на базе отрицания старой системы и кризиса идеологических обоснований первых шагов перестройки. Агрессивный интеллигентский нелиберализм был наиболее влиятелен в столицах и городах-миллионерах и опирался на мифологизированный опыт развития США, процветание которых якобы было порождено творчески предпринимательским произволом активного меньшинства, со временем благодетельствовавшего большинству человечества. Потолок влияния этого электората, вероятно, был достигнут в 1991 году (более 20 млн голосов на референдуме против сохранения СССР). Ныне весь спектр российского либерализма (Явлинского, Гайдара и т.п.) устойчиво поддерживают 10-12 млн избирателей. "Партия власти" первоначально "склеена" с интеллигентско-либеральным движением, но на выборах в 1995 году впервые выступила самостоятельно: ее в чистом виде поддержали более 9 млн (помимо 7 млн НДР, сюда же относится большая часть миллиона голосов, собранного промышленно-профсоюзным блоком "Союза труда", 760 тыс. голосов блока И. Рыбкина, какая-то часть 2,6 млн голосов АПР, которая на юге и в Центрально-Черноземном районе воспринималась как сельская НДР-2). Судя по всему, на выборах в Думу в 1993 году большая часть электората "Выбора России", ПРЕС и РДДР относилась (суммарно свыше 14 млн) именно к этой категории голосующих, меньшинство же его представляли лояльные ли-

бералы и центристы (голосовавшие за ПРЕС С. Шахрая и РДДР А. Собчака-С. Федорова). Влиятелен данный электорат в столицах, экспортирующих сырье регионах и основных центрах внешней торговли России, а также в регионах, где нерусское население "голосует" по приказу начальства.

Весьма крупный электорат - левотрадиционалисты ("коммунизм" без гегемонии ныне крайне пассивного пролетариата). На выборах в 1991 году имели более 22 млн голосов (сначала голосовали против введения поста Президента РСФСР, потом - за Рыжкова-Тулеева-Макашова), столько же на выборах в 1995 году. На два миллиона голосов больше (32%) получил Зюганов в первом туре президентских выборов в 1996 году. В нижней точке падения влияния данного электората 12 декабря 1993 года блок КПРФ-АИР набрал около 11 млн, составляющих "ядро" данного стабильно голосующего электората (еще несколько миллионов более агрессивных "фундаменталистов" Анпилова-Макашова, тогда находившихся в тюрьме, бойкотировали голосование). Количественно этот электорат доминирует и добился в 1996 году смены местной власти в европейской части России южнее Москвы и нескольких регионах Сибири и Забайкалья.

Либеральный, державный и центристский пока не устоялись, а если и воспроизводятся (и случае ЛДПР), то с большими колебаниями популярности от выборов к выборам, и не все исследователи признают их автономное существование. Тем более это касается выделенного нами на основе выборов 1995 года электората "партии власти" в чистом виде.

На материале всех общедоверальных голосований мы стремились продемонстрировать, что указанные пять электоратов (либералы, националисты, центристы, коммунисты и партия власти) проявляют себя и в иных типах выбора (дихотомическом и смешанном), где происходит их объединение в более широкие блоки по определенным законам притяжения-отталкивания". Что касается количественных параметров данной модели, то избирательная активность населения, начиная с 1989 года (когда в среднем в РСФСР проголосовало 87%), стала снижаться, и к концу 1993 года почти половина населения на любые голосования ходить перестала. Взгляды активной половины за минувшую пятилетку определились очень четко, и выше они были схематично описаны. Суммарно они дают 55-65 млн избирателей, и их приход на выборы может быть назван "базовой моделью", или голосованием твердо определившихся", кроме них на референдум или президентские выборы может явиться еще 10-12 млн избирателей.

Таким образом, перед нами своего рода пирамида, в вершине которой - проседающий и дифференцирующийся на списки в случае выступления в самостоятельном качестве электорат власти, в основании - "идеологический треугольник" (либерализм-коммунизм-национализм), в середине - сильнее всего колеблющаяся по своему персональному составу и объему поддержки "центристская пустота", а ниже "ватерлиний" - то, что условно может быть охарактеризовано как вторая потенциальная половина электората неопределившихся, "тенева пирамида".

Подводя некоторые итоги (здесь мы отвлекаемся от динамики региональных изменений в поведении электората, ограничившись общедоверальным уровнем), можно сделать вывод: идейно-политические группировки с претензиями на создание "новой России" впервые проявились в ходе президентской кампании, завершившейся избранием Ельцина 12 июня 1991 года. Однако августовская победа демократов над ГКЧП и крах СССР к декабрю 1991 года не привели к логически напрашивавшимся первым парламентским (а возможно, и президентским) выборам на многопартийной основе в России, прежде всего. из-за позиции самих демократов, предпочитавших использовать Ельцина и оказавшиеся в их руках остатки союзной государственности как таран в проведении радикальных реформ.

Пик социально-психологического стресса и нарастания всех видов напряженности (экономической, политической и идейной) для населения, вызванный реакцией на "шокотерапию", приходится на 1993 год. После ничего не решившего в конфликте властей референдума 25 апреля 1993 года произошли кровавые события сентября-октября, получившие свое "разрешение" на конституционном референдуме 12 декабря 1993 года. По мнению целого ряда исследователей, окончательная кристаллизация каждого из выделенных нами основных типов электоратов была реакцией населения на очередной социально-психологический шок общенационального масштаба: так, распад СССР окончательно конституировал национал-протестный электорат, удачные и неудачные государственные реפורты августа 1991 и сентября-октября 1993 года вырыли пропасть между советским и антисоветским избирателем как особыми типами политической культуры, война в Чечне закрепила наметившийся ранее раскол между резко осудившим ее либеральным избирателем и вяло подержавшим электоратом партии власти.

Сильное разочарование из-за реального ухудшения жизни большинства населения России непосредственно сказалось не столько на поддержке разношерстной оппозиции (она существенно не выросла), сколько *в резком падении явки избирателей* на голосования в 1993 году по сравнению как с 1991-м, так и с 1995-1996 годами. Вообще итоги голосований позволяют в полной мере оценить даже не столько политическую стабильность в стране (по предпочтениям населения в ходе кампаний), сколько колоссальную социальную пассивность основной массы жителей России, поражающую всех мало-мальски объективных иностранных наблюдателей. Такова, видимо, глубинная социально-психологическая основа регулярно воспроизводящегося парадокса электоральной стабильности.

© М. Малютин, 1998